

СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК ЦЕРКВИ И МОЛИТВЫ

Славянский язык вот уже 1000 лет несет слово Божие Православной Руси, являясь для нее языком богослужения, богообщения и молитвы. В Церкви шло становление языка, его внутренняя христианизация и воцерковление, преображение стихии славянской мысли и слова, славянского логоса, самой души народа, на долю которого выпало редкое счастье принять христианство тогда, когда только складывались черты национального самоопределения, когда прогремели Вселенские Соборы и утверждено было в чистоте Апостольское Православие. Самый язык славянский стал для народа сосудом Благодати Христовой, хранил церковное единство и православные традиции.

От народов Византийской империи к славянам проникло и быстро распространилось христианство. Но, слушая богослужение на чуждом им языке, славяне не могли вполне усвоить истины нового для них учения. Так было до IX века, когда святые братья Кирилл (в миру Константин) и Мефодий были призваны дать славянам понимание христианского богослужения – перевести для них богослужебные книги с греческого языка на славянский. Так как у славян в то время не было еще письменности, то святые братья сами составили славянскую азбуку, взяв за образец греческую азбуку и дополнив ее недостающими буквами. После этого богослужебные книги были переведены ими на славянский язык, а сами они стали апостолами – просветителями славян. Святые равноапостольные братья использовали для перевода церковный византийский текст, который был под контролем и оберегался в Церкви как нечто постоянное и неизменное, как сама истина, как церковно-текстуальное Предание, уходящее в апостольскую древность и недоступное для загрязнения человеческими мудрованиями. Благодать Божия поставила славянский язык наряду с тремя священными языками: греческим, латинским и еврейским.

В 1581 году впервые была напечатана полная Библия на славянском языке в г. Остроге с целью распространения и изучения выверенного текста Священного Писания. Это имело особое значение именно в XVI веке, когда протестантские секты – плод эпохи Возрождения язычества – превращали христианство в систему философских построений падшего человеческого разума, и Русская Церковь начала вести длительную борьбу за сохранение чистоты веры, церковнославянского языка и церковно-национальной культуры России. Славянская Библия занимает первое место по полноте и точности воспроизведения Библейских древних писаний, о чем свидетельствуют и списки кумранских рукописей, написанных за 200–300 лет до Рождества Христова. В Острожской Славянской Библии точно сохранены летоисчисление – 5508 лет от сотворения мира до Рождества Христова, и все мессианские места, и пророчества о Христе, искаженные в более позднем еврейском тексте масоретской редакции (ок. III в. по Р. Х.). Греческий текст 70 толковников, положенный в основу Славянской Библии, со времени своего создания

(III в. до Р. Х.) долгое время считался священным у иудеев наряду с еврейским текстом, а впоследствии был принят Православной Церковью.

Острожская Библия 1581 года является эталоном, по которому можно проследить реконструкцию греческого текста во времени. Анализ и сопоставление текстов показывают, что славянский текст стоит на твердой основе древней богослужебной практики, в то время как западное христианство отошло от древних традиций.

Славянский текст Священного Писания и православного богослужения – свидетель первого тысячелетия неразделенного христианства и драгоценное наследие равноапостольских трудов святых Кирилла и Мефодия, на котором воспитывались и воспитываются чада Русской Православной Церкви. Церковнославянский богослужебный текст, освященный тысячелетней традицией молитвенного использования в Русской Церкви, вошел в сокровищницу ее Священного Предания.

Слово церковное слилось с самой жизнью Православной России. Не напрасно историки пришли к выводу, что труд переводов Мефодия и Кирилла, «их великое дело было пережито нами в собственной истории: в русской мысли, в русском чувстве, в русском подвиге».

Язык церковнославянский, уже много веков имея единственной задачей выражать Божественное учение и повествования о Домостроительстве Божиим, совершенно сроднился с тем, для выражения чего он служит, и воспитанный на нем народ особенно восприимчив к тому, что он выражает, и в самом его звуковом составе, в движении речи чувствует этот высший смысл, слышит голос Божий, сам к Нему веками на этом языке обращается и усвоил то убеждение, что славянский язык есть орудие, средство общения с Богом. Церковнославянский язык как бы впитал в себя свойства священного текста и самым видом своих письмен, всем строем и духом влечет в горний мир божественных созерцаний и христианского подвига.

Есть у нас секты, где на собраниях, имеющих характер богослужения, читают и поют по-русски. Но кто же их назовет православными? У кого под влиянием новых учений и отвержения веры отцов изменилось мировосприятие, прекратилась восприимчивость к живым и непосредственным воздействиям славянской речи, для тех и православное богослужение утратило свое значение. Дальнейшим результатом всего этого явилось стремление проникнутый духом православной веры язык славянский заменить языком нашей разговорной речи. История свидетельствует, что, когда является стремление к замене для богообщения славянской речи речью иной, – тогда, очевидно, уже произошли духовные перемены. Склонность к тому или иному языку есть только симптом и результат этих внутренних глубоких перемен в вере и мировоззрении. Православные же в славянской речи слышат молитвенный

голос своих отцов и дедов – Святой Руси, Церкви Небесной и Торжествующей – и сливаются с ним в единстве молитвы всей России и всех славян, в единстве веры и любви.

Нельзя достаточно оценить значение церковнославянского языка. Не человеческое творение он: Дух Святой осенял Кирилло-Мефодиевское начинание, которое трудно назвать «переводом», в такой мере было оно одновременно и созданием языка, на котором воспроизводилось в совершенной точности греческое слово Божие. Язык, славянскими первоапостолами созданный и их учениками воспринятый, по самой природе своей стал церковным, таковым и оставаясь. Это – единственное в мире явление, когда язык возник, нарочито создаваемый для того, чтобы быть словесным одеянием, словесным выражением, словесной плотью богомыслия, молитвы, в частности богослужебного славословия. Благодарным свойством этого языка является способность его точно воспроизвести греческий текст – самое расположение слов сохраняется, как правило, улавливая все грамматические нюансы оригинала. И эта близость к греческому языку не есть признак бедности и, так сказать, служебности славянского языка. Преподобный Паисий Величковский говорил: «Самый наш славянский язык, как мне думается, несравнимо превосходит многие языки по своей красоте, глубине и изобилию оборотов, а также и поразительной близостью к греческому языку». Сам преподобный Паисий при переводе продолжал сознательно и намеренно применять метод дословности перевода. «Этим способом, – говорил он, – переведены с греческого на славянский Божественное Писание и все другие церковные книги. Этот вид перевода, как надежнейший, повелел употреблять и царь Юстиниан Великий Греческий». Благодатная особенность церковнославянского языка в том и заключается, что такое повеление могло быть исполнено!

Церковнославянский язык – живой язык, язык Православной Руси – Святой Руси. Он остался живым для всех подлинных чад Церкви и после возникновения русского литературного языка. Самый русский литературный язык своей неизменной подпочвой имел церковнославянский, и отрыв от этой почвы обрекает его на гибель – в былом его качестве Великого языка.

Прежде всего, надо побороть господствующий соблазн, непоправимые опустошения уже причинивший русскому церковному сознанию: соблазн пренебрежения к церковнославянскому языку как к некоторой ненужности. Вспомним, что, поскольку право гражданства в России приобретал в области церковной русский язык, это вызывало большую тревогу у церковных людей. Под этим углом зрения с осторожностью был встречен перевод Священного Писания на русский язык. Для церковного сознания «книга», как то было и на заре христианства, продолжала быть предметом священным. «Книжность» неотделима была от благочестия. Превращение Слова Божия в ходкий товар, неотличимый от книги светской, ранило душу, воспитанную в строгом благочестии. Самое же превращение священного текста, как бы сросшегося со

своей словесной одеждой, в обыденную речь являло скорее стороны отрицательные. В этом чувствовалось расцерковление. Что же говорить о дальнейшем развитии этого процесса!

«Избави Бог, – говорил святитель Филарет (Амфитеатров), в схимонашестве Феодосии, митрополит Киевский (1857), – если от перевода Библии дойдут и до перевода богослужебных книг... содержание которых между тем на славянском языке по преимуществу и является преисполненным и наставления, и благодатного одушевления». Владыка часто и со скорбью говорил об этом к концу своей жизни со своими близкими и придавал своим словам характер завещания: «Вот и вы принимайте эти слова справедливыми не только потому, что я их вам говорю; хотя говорю я их именно как последнее мое предсмертное завещание всякому, а потому и вы говорите это, с кем будете иметь случай...»¹.

Мысль об обновлении богослужения есть покушение против Церкви в самых таинственно-благодатных проявлениях ее жизни. Это совершается в форме незаметной и как будто не носящей характера богоборчества и отступничества. Так церковность сводится к эмоциональным переживаниям, а вместе с тем и обедняется до последней степени молитвенная жизнь, если вообще остается она хоть сколько-нибудь в силе! Отсюда вырисовывается первоочередной долг современного пастыря: прививать всеми силами и способами детям и подрастающему поколению культуру церковнославянского языка, насаждая хотя бы начатки ее. Отсюда возникает и обязанность его в отношении тех, кто возвращается к Церкви, при всем снисхождении к ним и к их немощи: не оставлять без внимания этой стороны дела и «воцерковлять» их чрез введение в их молитвенный опыт церковнославянского языка.

Человек, отошедший от Церкви и к такому состоянию уже привыкший, самоуверенно скажет свое «веское» слово. Разве не на всех языках можно славить Бога? Разве не тупой формализм себя ограничивать славянщиной, устарелой и неуклюжей? Так говорит обычно человек, общение которого с Церковью сводится к тому, чтобы «забежать» в храм, прослушать ектению, поставить свечу – и откланяться, не дожидаясь конца службы. Он не знает, что к литургии готовятся целым последованием церковных служб, в своем содержании меняющихся ото дня в день и совершаемых по целой системе книг. Упразднить все это? Нет, скажет он – чего проще? Перевести на русский язык! Так ли это просто? Самый строй церковной речи, самый звук церковнославянского языка, вся логическая его структура, самый факт оторванности этого языка от обыденной жизни – разве не некая это благодатная «привилегия» нашего народа? Конечно, молиться можно на любом языке. Можно молиться и без слов. А вот попробуй! Есть благодатная сила именно в «словах». Кому не дана возможность пользоваться этими «словами», с тех Господь не только не спросит, но еще и утешит в их немощи. Но если кто сам, своей волей отказался от этой благодати, пренебрег ею, отвергся ее – не

обрекает ли он себя на состояние заведомо безблагодатное? Конечно, не исключено, что таков именно и есть путь современности – но не с большим ли тогда рвением надо бороться пастырству с подобным духовным одичанием? Не будем уже говорить о том, что забвение церковнославянского языка безнадежно отчуждает нас от нашего прошлого. Упразднить из своего сознания церковнославянский язык – это значит оторваться от русской культуры допетровской, для которой этот язык был литературным языком, а равно и от значительно позднейшей части литературы чисто церковной, ибо церковнославянский язык оставался и в Империи живым языком Церкви. Это значит стать иностранцем по отношению к истокам русскости.

Невелика цена и самому русскому языку, если он оторвался от церковнославянского. Это больше не язык исторической России. Это не тот Великий Русский язык, который вырос и окреп, покоясь на благодатной почве языка церковнославянского и постоянно питаясь его соками, что видно явственно на наших классиках. Но главное и не в этом, а в том, что отказ от церковнославянской культуры есть отвержение своей преемственности в самом главном. Отвергая во имя русского церковнославянский язык, мы все оказываемся самонадеянными дилетантами, пробуящими свои заведомо слабые силы в решении задачи, для нас недоступной, если за нее кто из нас самоуверенно принялся бы: самозванно, не по веянию Святого Духа, а по мотивам мелкочеловеческим повторить подвиг святых Кирилла и Мефодия, а за ними и всей овечьей нимбом святости тысячелетней чреды их последователей, воплотивших православное служение Богу в плоть слова!

Ныне много пишется и говорится о воцерковлении верующих, об обновлении духовном, о создании для этого специальных братств. Помнить надо, что фундаментом всей этой работы является восстановление культуры церковнославянского языка. Забота пастыря о детях и молодежи должна с этого начинаться. Достаточно здесь добиться элементарной грамотности. Важно, чтобы человек умел читать. А затем уж возникает вопрос, как эту грамотность практически применять. Главное – обучение домашней молитве, приучение к общественной молитве, прикрепление к клиросу. Часослов, Псалтирь, Евангелие – вот что должен каждый иметь и в чем должен уметь разбираться, чем должен уметь и любить пользоваться.

Печатается по изд.: «Православное чтение», М., 1990, № 9.

¹ *Архим. Сергей (Василевский). Высокопреосвященный Филарет, в схимонашестве Феодосии (Амфи-театров), митрополит Киевский и Галицкий и его время. Т. 3, Казань, 1888, с. 641. [△](#)*